

АРХІВ

[ЛИСТИ МИКОЛИ ПРАХОВА ДО ОЛЕНИ ЯЗЕВОЇ]

Лист № 1

Киев

25 марта 1955 г.

Дорогая Елена Николаевна!

Огромное Вам спасибо за прекрасное, дружеское и такое интересное письмо, которое получил сегодня утром и немедленно на него отвечаю. А Вы еще сомневаетесь и спрашиваете: «Быть может Вам надоело читать?..». Напротив, чрезвычайно интересно, мало того, – радостно – встретиться с Вами, хотя-бы «заочно», на склоне моих лет. Не понимаю, как это так вышло, что в детские и юные годы мы совсем не встречались, хотя и жили в одном городе и отцы наши дружили с молодых лет?! А ведь в доме у нас собирались не только сильно надоевшие Вам художники, но и музыканты. По вечерам, иногда, играли на рояле: – В. В. Пухальский ¹, Н. В. Лысенко ², братья Станислав и Феликс Блюменфельд ³, а так-же наша Мама ⁴. Она кончала петербургскую Консерваторию под руководством профессора Дрейшока, когда приняла предложение моего Отца соединить с ним свою судьбу. Несмотря на маленькие руки, ее готовили к артистической карьере, и только мы – дети – своей «музыкой» – испортили ее. Только в прошлом году узнал от Ксении Ивановны, что Женя служил на Ю-3 железной дороге и имел «свой» вагон, а из Вашего письма узнал, что он хорошо играл на скрипке, у нас, иногда, играл на ней Владислав Михайлович Галимский ⁵. Вы спрашиваете – есть-ли у меня «Воспоминания Старого Учителя» – Вашего Отца? Есть 1-й и 2-й выпуск, а 3-го у нас почему-то никогда не было. Увидел его только в прошлом году в Буче у Ксении Ивановны, попросил дать домой почитать и как-то прособирался спросить: – не уступит-ли она этот экземпляр по какой нибудь цене? Но... прособирался и прозевал: она обещала продать кому-то другому из Украинского Музея. Еще не имел времени, чтобы попробовать отыскать и сделать выписки на тот случай, если соберусь писать о своем Отце. Тут, конечно, надо будет упомянуть и Николая Ивановича ⁶, при том правдиво, чтобы возможный читатель понял, какой это был человек. Я ведь не «искусство-ед», как называл Михаил Васильевич Нестеров ⁷ таких ученых, как известный Вам Турченко ⁸. Досадую на свою оплошность. Не знаю, какая судьба постигла 3 дневника Вашего Отца, которые только мог перелистать за несколько часов пребывания в Буче. Повторить поездку что-то помешало. Помочь в работе т. Турченко попросил меня наш славный график – В. И. Касиан ⁹. Конечно, охотно согласился, хотел дать прочесть Копии писем Николая Ивановича к моему Отцу (оригиналы в архиве рукописей Третьяковской Галереи), но он принес свою диссертацию и ограничился только тем, что дополнил список учащихся. В этом помогла моя жена – Анна Августовна, урожденная Крюгер. Она окончила школу Николая Ивановича и сохранила о ней хорошее воспоминание. Потом Турченко пропал на много месяцев и появился снова на кануне защиты диссертации. Он оставил ее мне для прочтения. В начале думал выступить не официальным оппонентом, а потом решил, что не стоит тратить время и нервы – все равно «степень» ему дадут. Так и вышло. На защите не был – очень удачно она совпала с моим гриппом. Конечно он писал так, как теперь требуется для получения кандидатской степени. Нельзя очень винить теперешних диссертантов – им крепко призывают нужные сейчас мысли и взгляды, а что при этом искажается историческая «перспектива» – это ни кого не волнует.

Конечно Турченко поступил в высшей степени бестактно, получив от Вас лично весь материал и объяснения, и все это приписал – Внучке, а не Дочери Николая Ивановича Мурашко.

[ЛИСТИ МИКОЛИ ПРАХОВА ДО ОЛЕНИ ЯЗЕВОЇ]

Вы спрашиваете у меня совет: к кому обратиться с просьбой о получении пособия? Сам я в таких делах не сведущ, но вот что сделаю: как только повторный грипп позволит выходить из дому – проеду в Музей Русского Искусства и посоветуюсь с его директором – Ольгой Михайловной Малашенко¹⁰. Она украинка, киевлянка, активный член партии, а самое главное – очень хороший человек. Умная, отзывчивая, справедливая и тактичная. Это она – без моего ведома и просьбы подняла вопрос о назначении мне персональной пенсии, когда узнала, что получаю обыкновенную (150 р. + 60 р. «хлебные»). Один этот факт свидетельствует об ее отзывчивости и внимании. Кроме того, бываю в Союзе Художников и там поговорю в «Президиуме». Куда-бы Вы ни обратились, поддержка украинских организаций и общественности необходима. Ведь вся деятельность Вашего Отца протекала в теперешней столице Украины Киеве, и деятельность эта была – бесспорно – на пользу развития украинской и русской художественной культуры. Как только чтонибудь узнаю – сейчас-же Вам напишу. А сейчас кончаю письмо пожеланием доброго здоровья на много лет. Татьяне Владимировне шлю сердечный привет, а Вас, по братски, обнимаю.

Искренно обрадованный, пока «заочной» встречей.

Николай Прахов.

P. S. Надеюсь встретимся летом или в Москве, или в Киеве.

Лист № 2

**8 мая 1955 г.
Воскресенье**

Дорогая Елена Николаевна!

Простите за огромное опоздание с ответом на Ваше поздравление с весенним праздником. Уважительных причин было две: сильная простуда и желание сделать и сообщить Вам что-нибудь приятное, а для этого надо было повидаться и посоветоваться с очень хорошим и влиятельным человеком – это директор Киевского Русского Музея – Ольга Михайловна Малашенко, которую очень люблю и уважаю. Первый раз попал в Музей очень не удачно – была занята деловым разговором с кем-то мне не знакомым, поздоровался, извинился за беспокойство и ушел. Второй раз, в минувшую среду, застал совещание сотрудников Музея. Все мне знакомые, попросили остаться, а когда разошлись, и мы остались наедине, попросил посоветовать к кому и куда обратиться по Вашему делу. Обещала поговорить в Союзе Художников на следующий день, а в пятницу была у меня и сообщила, что Правление Союза Художников охотно поддержит Ваше ходатайство о материальной помощи в Москве перед «Орг-Комитетом Художников СССР». Просила меня прийти и рассказать подробно о Вас. Это сделал вчера 7/V в субботу. Видел Ответственного Секретаря Союза Советских Художников Украины – Бориса Николаевича Романова, передал ему «Справку», копию которой прилагаю. Подробно напомнил о заслугах Николая Ивановича Мурашко перед художественной культурой Украины, дающих Вам право на получение пенсии, а не единовременного пособия. Прочел несколько строк из того Вашего письма, в котором просили меня дать совет, куда надо обратиться по Вашему делу. Результат разговоров такой: – «Правление Союза Художников Украины» напишет в Москву в «Орг-Комитет Художников СССР» – просьбу о назначении Вам пенсии, отделом социального обеспечения.

Чтобы не затянули с этим делом – прослежу, когда и как напишут, когда pošлю бумагу в Москву, а тогда – от себя – напишу письмо секретарю Орг-Комитета – Марии Николаевне Гриценко – дочери Любовь Павловны Третьяковой¹¹, которую знал в девичестве (дружила с Верушкой Мамонтовой)¹². О. М. Малашенко, Б. Н. Романов и я считаем, что пенсия Вам будет полезнее единовременного денежного пособия. Надеюсь, и Вы того-же мнения.

АРХІВ

Теперь к Вам такая просьба: – Прочтите коротенькую «Справку», поданную мною в Союз, и если найдете нужным чтонибудь добавить о своем матерьяльном и бытовом положении, то напишите, а так-же дополните, если пропустил, список известных художников, которых упомянул в своей короткой «справке».

«Не кажи “гоп”, докі не перескочив», – говорит украинская народная поговорка, но, судя по началу, надеюсь, что общими усилиями удастся не много улучшить Вашу жизнь.

Теперь перехожу к другим темам. Прежде всего огромное спасибо Вам за присланный третий выпуск книги «Воспоминания Старого учителя».

У моего Отца были только 2 экземпляра I и II-го выпуска (и один еще II-го), а третьего не было. Теперь понимаю, почему так случилось: выпустил его Ваш брат – Женя и, вероятно, не подумал послать моему Отцу или послал ему в Петербург.

По наследству от Саши Мурашко¹³ (мы ведь женаты на родных сестрах, дочерях Киевского нотариуса Августа Федоровича Крюгер) получил еще альбом ученических работ, школы Н. И. Мурашко без обложки (всего 34 листа). Вероятно, это приложение к одному из трех выпусков. В нем много очень интересных, законченных рисунков, показывающих, как серьезно было поставлено обучение рисованию в «Киевской Рисовальной школе Н. И. Мурашко».

Не знаю, видел-ли этот альбом тов. Турченко, написавший и защитивший такую поверхностную диссертацию?

С большим интересом прочел текст присланного Вами, как писали в одном из писем, «на продолжительное время» третьего выпуска, в котором есть не знакомая мне фотография – В. М. Васнецов¹⁴ на лесах Владимирского Собора, на фоне его «Пророков». Другая, где он пишет Богоматерь, у меня есть, пожелтевшая равномерно, но ее можно переснять, и желтый тон не помешает. В группе учениц сразу узнал Анночку и ее сестру Катю, а Анночка узнала и назвала всех своих подруг. Надпишу карандашом их фамилии под этим снимком, напомнившим нам обоим далекую молодость, когда мы дружили и не думали о том, что когданибудь соединим свою судьбу на всегда.

В этом году исполнится 53 года, что мы повенчались. Вы спрашиваете, почему в студенческие годы жил в Москве у Мамонтовых¹⁵, а не в Киеве в родной семье? Я ведь, с десятилетнего возраста, интересовался химией, физикой, электротехникой и механикой, а не искусством. Хотел быть инженером энергетиком и, по окончании Киевской 2-ой Гимназии – в 1892 году поступил в Московский Университет, где на физико-математическом факультете были такие светила науки, как профессора: Бугаев¹⁶, Столетов¹⁷ и Цингер¹⁸. А жил у Мамонтовых по тому, что это были очень близкие друзья моих родителей, и «дядя Савва» – был мой Крестный Отец, а «Тетю Лизу» (Елисавету Григорьевну Мамонтову, урожд. Сапожникову)¹⁹ знал и любил с детства, когда провел 2 лета в Абрамцеве вместе со старшей Сестрой Лелей (1879–1880 г.г.). Об этом счастливом времени подробно написал в воспоминаниях наших о «Старом Абрамцеве».

Хронические головные боли мешали занятиям математикой и заставили переключиться на совсем другой путь – художника прикладника, где не требуется решение в уме математических задач. Так посоветовал мне один хороший земский врач. Случайно обнаружили у меня способности к сочинению орнаментов, которыми расписал четыре церкви: 1) – в с. «Савичевке» Елисаветградского уезда, 2) – в «Новой Чартории» – Волынской губернии, 3) – в Петрограде – домовая церковь Главного Управления Земледелия и Землеустройства и 4) – Там-же в «Дворянском и Крестьянском Земельном Банке». Первые две расписывали, такие же молодые, как и я, ученики школы Н. И. Мурашко Боханов, Миша Беляновский, Федя Шаврин²⁰, И. И. Моисеенко, Гартунг, Д. И. Ильченко..., а вторые две – художники кустари из сел «Палехи и Метера». После Революции в Киеве расписывал клубы воинских частей, «Агитпароход» – «Пушкин», который угнали и перекрасили белые, и «Агит-Сан-Поезд», на котором чуть не доехал до Варшавы в 1920 году, когда гнали с Украины белополяков. Вероят-

[ЛИСТИ МИКОЛИ ПРАХОВА ДО ОЛЕНИ ЯЗЕВОЇ]

но, с 1940 года, нет, точнее, с 1938 года пишу воспоминания без определенного плана и цели. Сейчас намечается возможность издания части накопившегося материала.

Надо бы иметь еще вторую голову и две правые руки, чтобы успеть записать все, что еще сохранила память. На прошлое она хороша, а на сегодняшнее плоха. Это удел старости. 18/V мне исполнится 82 года. Пережил всех моих предков, начиная с XVII столетия!

Кончаю письмо, а то если начну новый листок – залежится. Желаю Вам и Татьяне Владимировне быть здоровыми, что считаю самым большим благом нашей жизни.

Еще раз благодарю за присылку 3-го тома воспоминаний Николая Ивановича. Надеюсь, что встретимся или в Буче, или в Москве.

Как странно, что в юности не были знакомы?!

Н. Прахов

Лист № 3

Киев

15 мая 1955 г.

Воскресенье

Дорогая Елена Николаевна!

Вчера утром получил Ваше письмо, написал дополнение к «Справке», поданной в Союз Художников 6-го мая, и около полудни отвез по назначению. Не застал ни кого из членов правления и отдал техническому секретарю, которую просил передать тов. Романову. Она это сделает, а я в ближайшие дни поеду узнать, как написали бумагу в Москве в «Орг-Комитет Художников», и если понадобится, то потороплю.

А Вы вооружитесь терпением и ждите, помня, что «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Очень важно было упомянуть, кто был Ваш муж, и что в школе Николая Ивановича не только учился, но и жил Фотий Степанович Красицкий²¹. В Книге «Воспоминания Старого Учителя», как-то проглядел его имя, а для Украинского Союза Художников это имеет значение. Мы с ним встречались не часто, но всегда дружески. Как раз накануне нападения на Украину гитлеровских немцев было «обсуждение» его персональной выставки, на котором выступил и отметил все положительные стороны его таланта, после чего расцеловался с взволнованным юбиляром и поспешил в университет, где мой третий сын Николай – геоботаник – блестяще защитил кандидатскую диссертацию. После нее у нас собрались его друзья и профессора, весело ужинали, состязались в шуточных тостах до 3-х с половиной часов. Сын ушел с женой к себе, а через час прибежал весь запыхавшийся с известием: «Папа – война с Гитлером объявлена».

А на выставке Фотия Степановича продолжалось ее обсуждение, выступил после меня, скульптор Макогон²² и то же отметил все хорошее, что было на выставке и в прошлых работах, а за ним выступил (теперь бывший) директор Русского Музея – Сергей Евдокимович Раевский²³ – обругал меня и Макагона и так «разнес» юбиляра, что чуть не умер от удара. Последний раз виделся с ним в Августе 1941-го года. Моя жена и две дочки с малолетними детьми выехали в Винницу подальше от бомбежки, которую панически боялись.

Я оставался в Киеве вдвоем со старшей сестрой Лелей. Немцы бросали бомбы с аэропланов, день был чудесный – солнечный и теплый. Захотелось переменить впечатления и пошел на Куреневку, чтобы повидать Ивана Сидоровича Ижакевича²⁴ и Фотия Степановича Красицкого. Идти было далеко, но силы хватило побывать у обоих. Как раз около усадьбы Красицкого передо мной разорвался снаряд, поднял еще теплую головку и понес показать этот «Трофей». Фотий Степанович очень обрадовался неожиданному гостю, жена его стала хлопотать о чае, а мы сидели на застекленной веранде, говорили об искусстве, вспоминали недавнее прошлое. С большим интересом смотрел педагогический труд – систематический подбор учебных

APXIB

упражнений, начиная от кривых линий до формы предмета. Фотий Степанович говорил так: «У музыкантов есть школа и система обучения их искусству мастерству. Они счастливее нас, в этом отношении, но у них есть всего 84 знака (клавиши рояля), с помощью которых могут передать все, что хотят, — сонату, симфонию, прелюдию и т. д., а у нас, художников, бесконечное множество знаков. Здесь и объем предмета, и расстояние, и цвет, и колорит, а все таки и здесь надо и можно выработать систему преподавания»²⁵. Показывал мне свою работу и убегал прятаться в ледник, когда где-то по близости рвались снаряды и бомбы. Звал с собою меня, хватал за руку, но я фаталист и, по звуку, соображал, что ни какая опасность не угрожает его усадьбе, и спокойно ожидал возвращения, не много сконфуженного, хозяина. На прощание подарил мне свою хорошую авто-литографию – Портрет Т. Г. Шевченко – с сердечной надписью, посвященной моему приходу. Вечерело, надо было возвращаться в город, и мы расстались, крепко обнявшись и расцеловавшись.

От кого-то узнал о переезде в город, но навестить не мог – очень осложнилась жизнь. И о кончине его узнал только случайно. Не знаю, где похоронен и где его родные? Люди сейчас живут очень разрозненно, за 3 ½ месяца моей болезни ни кто из художников не навестил, только директор Русского Музея – милая Ольга Михайловна Малащенко побывала, очень она хороший человек.

Вы совершенно верно определили причину, почему наши Родители не подумали познакомиться детей? У обоих были разные интересы и оба были всецело поглощены своей деятельностью. У нас собирались преимущественно взрослые, у моих сестер – Лели и Оли – и у меня были общие подруги только после поступления в гимназию – сразу в 3-й класс (было 13 лет) – завелись два товарища – Саша Баумгартен и «Сонечка» Мацнев, то же Саша, так прозванный гимназистами за миловидное личико и наивность. Саша Баумгартен был племянник Киевского Вице-Губернатора, первого председателя «Строительного Комитета» по ок[он]чанию Владимирского Собора.

Жили они в особнячке на углу Садовой и Александровской улиц в доме Волконских, где собирались декабристы. Саша учился в 1-ой – «аристократической» гимназии, а я во 2-ой – «демократической». Это не мешало нам дружить – оба были озорные, а «Сонечка» Мацнев жил на Пушкинской улице в чопорной семье, предпочитал встречаться с ним дома. С Сашей Баумгартеном изобретали «Perpetuum Mobile», толкли порох, бертолетовую соль, делали фейерверки, топили мух, а потом зарывали в теплую золу и ждали, когда станут выползать из не большой кучки.

Открыли «анабиоз», не подозревая, что это научное открытие. На пустыре против Университета (теперь Парк Шевченко) поймали лягушку и стали потрошить, чтобы посмотреть, «как бьется сердце». Перочинный нож был тупой, лягушка брызнула Саше в глаз какой то едкой жидкостью, и тем опыт «вивисерцит» кончился. Больше не повторяли, было самим противно и жаль мучить лягушку для праздного любопытства. Саша в университет не пошел, окончил Гимназию, почему-то уехал в Черкассы, там женился на дочери гробовщика и открыл бакалейную торговлю. Дальнейшая судьба его не известна. Я уехал в Москву. Вот это был «аристократический» скандал – племянник Вице-Губернатора – лавочник, женатый на дочери гробовщика!!! – «Ужас» – по понятиям того времени.

Невольно улыбнулся, прочитав Ваше предположение, что познакомиться с Вами, Лидой и Женей помешало аристократическое окружение. Наша семья считалась в Киеве «эксцентричной», потому что людей принимали не по «чину и званию», а по их личным достоинствам и талантам. Бывали и очень «высоко-поставленные» лица, были два «Великих Князя» – поэт – «К. Р.» – Константин Константинович²⁶ и – офицер художник Петр Николаевич²⁷ (сын опальной Великой Княгини – основательницы Покровского Монастыря). После осмотра работ во Владимирском Соборе Отец пригласил заехать к нам – выпить чашку чая. В восторге от Собора он захотел познакомиться поближе с

[ЛИСТИ МИКОЛИ ПРАХОВА ДО ОЛЕНИ ЯЗЕВОЇ]

художниками и принял приглашение моих родителей пообедать в нашей семье. Как это было – описал подробно в очерке «Пейсаховка» – так называется еврейская пасхальная водка из винограда. Получился забавный рассказ, который очень оценил мой покойный друг – Сергей Николаевич Дурылин²⁸. После осмотра Владимирского собора была у нас и пила чай – «Абиссинская принцесса»²⁹ – которую вез в Москву и Питер Храбрый атаман Ашинов – авантюрист (двоюродный брат киевского коллекционера – Богдана Ивановича Ханенко³⁰). Все это случайные эпизоды анекдотического характера, а основное ядро наших вечеров были художники «Соборяне», как прозвал Отец Васнецова, братьев Сведомских – Павла и Александра³¹, Котарбинского³² и Врубеля³³, собиравшихся по вечерам каждый день. «На огонек» приходил Владислав Михайлович Галимский, Платонов³⁴, Светославский³⁵, Менк³⁶ и другие. Ужинов не устраивали – пили хороший чай. Бывали музыканты – Пухальский, братья Блюменфельд, Лысенко. Однажды пел Тартаков³⁷. Танцев молодежи не устраивали, подростками учились танцам у балетмейстера Киевской оперы – пана Линчевского³⁸ мои две сестры, Лида и Ольга Сикорские, студентки – два брата Горловы и даже я, с моей больной ногой танцевал чаще всего с Ольгой Сикорской. У обоих от вальса не кружилась голова и замучивали тапера. Слово – «флирт» – нам не было известно – просто дружили.

Сестры, изредка, выезжали на балы, жена Генерал Губернатора приглашала их продавать билеты на «Лоттерее – Аллегри», а я, занятый химией, механикой и электротехникой, презирал эти сборища и не был ни разу, как не был на маскарадах и в «Кафе-Шантане». В первый раз поехал в Вене с молодой женой Анночкой посмотреть, что это такое? Вышли из гостиницы. Спросить у швейцара, где Кафе-Шантан – постеснялись. Подошли к кучеру, дремавшему с газетой в руках на козлах кареты. Попросили отвезти в «Кафе-Шантан». Он медленно слез с козел, снял со спины лошади одеяло, отворил нам дверцу кареты, щелкнул длинным бичем, объехал квартал и подъехал к тому-же дому, где была гостиница, но с другой стороны. Вероятно решил, что господа слишком важные, чтобы обойти дом пешком. Мы с Анночкой долго смеялись. В кафе было забавно и вполне прилично. Смешно говорил одну и ту-же фразу актер на разных немецких диалектах. Давно это было. Вспомнить приятно.

Наболтал Вам «с три короба» – «пора и честь знать».

Кланяюсь дружески Татьяне Владимировне, а Вам, мысленно, целую руку.

Будьте здоровы.

Н. Прахов.

P. S. Рад буду встретиться с Вами в Буче и познакомиться с моей семьей.

Лист № 4

16 июня 1955 г.

Четверг

Дорогая Елена Николаевна!

Простите, что до сих пор не ответил на Ваше письмо, которое получил в тот день, когда послал поздравление с именинами. Сразу навалились разные неотложные дела, от которых сильно уставал, и это единственная причина долгого молчания. Были за это время: экскурсия в Кирилловскую Церковь, в которой мой отец открыл древние фрески XII века, а Ваш Отец и его ученики реставрировали их. Ездили научные сотрудники Киевских музеев, которым рассказывал про открытие фресок, реставрационные работы и про работы Врубеля.

Потом было день нездоровья, лежание в постели. На следующий день принимал приезжих из Алма-Аты художника и музейную работницу, которым показывал черновые наброски Врубеля и рассказывал о нем. За тем – два дня экзаменов в училище прикладного искусства (в Лавре), где рецензировал работы двух девушек-вышивальниц. Потом ходил в

АРХИВ

Художественный Институт, где у меня три «подзащитных» художника с дипломными работами. К сожалению, хороши только пейзажист, а два других, взявшие темы: «На Сечь» и «Пирогов на Малаховском Кургане» – посредственные, а главное, очень ограничили композицию темы и не ответили на поставленное задание. Надо покритиковать и не слишком. Ведь это выпускники, ни какая критика не прибавит им таланта и знаний. От всех этих дел сильно уставал, и от того скопилось целых 5 писем, ожидающих ответа. В первый раз так случилось. Буду очень рад повидать Татьяну Владимировну, а привозить нам ничего не надо. Спасибо, но снабжение не так плохо, и мы с Анночкой получаем продукты в очереди, без очереди. Привилегия старости. В Союзе буду в понедельник на заседании нашей Секции и подтолкну кого надо по Вашему делу. Не смотрите на него так мрачно.

Желаю Вам здоровья и еще раз прошу извинить за очень долгое молчание.

Спешу по разным делам и от того пишу так мало.

Н. Прахов

Лист № 5

13 июля 1955 г.

Среда

Дорогая Елена Николаевна!

Не знаю, почему Вам показалось «небратским» мое последнее письмо? Может быть по тому, что было очень короткое. Сильно переутомился за последние недели с рецензированием 3-х дипломных работ в Художественном институте и 4-х в училище прикладных искусств – от того и писал Вам «на спех» и не много, чтобы не подумали, что забыл о Вас и Вашем деле. Радуюсь предстоящей встрече с Татьяной Владимировной и Вами. Когда приедете в Бучу, то напишите хотя-бы открытое письмо. Приеду в ближайший день, когда позволит старое сердце. Последнее время стало снова ныть и мешать жить. Возможно, что, кроме времени лет, тут виновата наступившая сильная, летняя жара. Да и я ни как не могу уgomониться и, случается, не рассчитываю свои физические силы. Вот вчера был в двух музеях – Западного и Украинского Искусства. В последнем сейчас открылась выставка современного китайского прикладного искусства. Очень интересная и поучительная, особенно для наших мастеров. Вот нация, в словаре которой, наверно, нет слова «Халтура». Что ни вещь, то сделана с большим художественным вкусом и техническим мастерством. А знаете, откуда пошло слово – «Халтура»? – Из Белоруссии. Так там назывался первый Поминальный обед, на который мог прийти каждый, без приглашения и хорошо покушать. Есть белорусская присказка:

«Пошли куры на хаутуру».

«Воробейка памяр – яму вечный покой».

Когда, как и кто перенес это слово на скверную, не добросовестную работу, не знаю. Сегодня пишу Вам опять мало по вине того же сердца. Утомляет даже движение кисти руки, кажется не очень сложное и трудное, тем более, что придумал приспособление к перьям, которое позволяет один раз обмакнуть в чернило и написать до 450 букв, смотря по почерку и перьям.

Кончаю письмо пожеланием Вам доброго здоровья.

Мысленно жму руку.

Н. Прахов

Лист № 6

28 июля 1955 г.

Дорогая Елена Николаевна!

Вчера, под вечер, обрадовала своим неожиданным посещением Ваша милая дочка Татьяна Владимировна. Пришла она как раз в тот момент, когда беседовал с Московским литератором И. И. Емельяненко, пишущем о В. М. Васнецове.

[ЛИСТИ МИКОЛИ ПРАХОВА ДО ОЛЕНИ ЯЗЕВОЇ]

Первую минуту не заметил ее приход, потом подумал, что это ктонибудь из наших знакомых пришел к Анночке. Был обрадован ее посещением, предвестницы Вашего приезда в Бучу.

К сожалению, последние недели не имел времени зайти в наш Союз и сказать Татьяне Владимировне – в какой стадии находится дело о поддержании Вашего ходатайства о назначении пенсии в память заслуг Николая Ивановича перед русским и украинским искусством. Сегодня был утром в Союзе, где узнал, что – 14-го июля было послано письмо в Москву в «Орг-Комитет Художников». Помещается он на улице Горького, дом № 25/9. Спросите секретаря комитета и расспросите его, куда и к кому Вам теперь надо обратиться и как написать просьбу о назначении пенсии.

Не знаю, кто теперь секретарь? Если Мария Николаевна Гриценко (дочь известного художника-мариниста), то передайте от меня поклон и привет. С отцом не встречался, а знал хорошо ее мать – Любовь Павловну, дочь Павла Михайловича Третьякова. Она дружила с Верушкой Мамонтовой – «Девочка с персиками» – Серова.

Теперь мне остается пожелать Вам, как охотникам, – «ни пуха, ни пера» – а полной удачи в Вашем деле, которая принесет моральное удовлетворение и некоторую матерьяльную помощь.

Пишу сегодня мало, так как спешу сообщить результат моей инициативы на первом этапе. Остальное теперь зависит от Вашей энергии.

Будьте здоровы.

Дружески к Вам расположенный

Николай Прахов

Лист № 7

20 августа 1955 г.

Дорогая Елена Николаевна!

Радуюсь тому, как это все у Вас хорошо складывается. И Марья Николаевна Гриценко приняла горячее участие в Вашем деле, и Наталия Геннадиевна Галкина, оказывается, знала хорошо брата Вашего мужа! Все очень удачно подобралось одно к другому. Не даром «Дядя Костя»³⁹, наш знаменитый актер-комик, уверял, что «в России только 200 человек не знакомы между собой. Все остальные – или родственники, или знакомые ваших родственников, или родственники этих знакомых. Всех их можно поселить на острове Уайте, где, в конце концов, перезнакомятся, поженятся и все в России будут знакомы между собой». – Он уверял, что «даже подсчитал площадь острова Уайта – как раз подходит для переселения на нее 200 человек».

Конечно процедура назначения пенсии долгая, но хорошо, что дело начато и что Вам выдадут некоторое пособие. Тут дело не только денежное, но и моральная сторона имеет большое значение: заслуги Вашего Отца не забыты.

Огромное спасибо за чудесный подарок. Буду хранить «как зеницу ока» Ваш портрет, прекрасную работу Георгия Кононовича Дядченко⁴⁰, большого художника, оставшегося не замеченным, как очень многие талантливые русские люди, в царское время. Надеюсь, что Ваш сын, как и врачи, посоветует переменить пыльный Московский воздух на чистый бучанский, и мы познакомимся на склоне лет. Сейчас как раз прекрасное время для отдыха на Украине. Трое суток бушевала гроза (при низкой температуре, как бывает «холодный» грипп), наделал много бед сильный дождь, молния убила несколько человек, а сейчас зелень стоит умытая, и ярко сияет солнце на нежно-голубом небе. Надеемся, что осень вознаградит за все неприятности, причиненные холодной и мокрой весной.

АРХИВ

Простите за опоздание на целых 5 дней, с которым отвечаю на Ваше письмо. Что-то не здоровилось последнее время. Может быть, и гроза виновата, но самое главное, конечно, годы. Ведь мне исполнилось в мае 82 года. Пережил всех родных, начиная с 17-го столетия. Сохранилась дедовская тетрадь в Сафьяне, на первой странице которой автограф поэта князя Вяземского ⁴¹, друга Пушкина, датированный – 3 марта 1830 года – а в нем листок бумаги, на котором мелким «биссерным» почерком моего деда – Виктора Ивановича – написана «Фамилия Праховых», начинающаяся с «16... года Диакон Иван». Дальше идут 3 диакона и 2 священника. Дед блестяще кончил Вологодскую семинарию, поехал в Москву, поступил в университет и был некоторое время домашним учителем у Вяземских. Вот отчего таким автографом начинается альбом:

*«Благоуханьем роза дышет,
«Созеучьем дышит соловей,
«Хотя ни кто его не слышит,
«Никто не радуется ей.*

*—
«Так и явлениям поэта
«Неизбежимый дан закон: –
«Без скорби, или без ответа
«Страдает, или любит он».*

Вы пишете, что Николай Иванович тяжело переживал Вашу свадьбу. Почему так к ней относился? Ведь Ваш муж был инженер? Не понятно мне так-же, почему отказал Николаю Корнилиевичу Пимоненко ⁴², просившем благословение на брак с Лидой. Ведь он рано проявил себя талантливым художником. Вероятно, жаль было расставаться с детьми. У меня есть копии писем Николая Ивановича к моему Отцу (оригиналы в Отделе рукописей Г. Т. Г.). Особенно интересно одно из деревни, где работал у какого-то помещика. Когда встретимся, прочту, а сейчас желаю здоровья, то есть самое ценное, что есть в нашей жизни.

Дружески расположенный к Вам

Н. Прахов

Лист № 8

30 августа 1955 г.

Вторник

Дорогая Елена Николаевна!

Радуюсь Вашему приезду в Бучу, как возможности познакомиться лично, хотя-бы на склоне моих лет. Как только получу от Вас открытку с извещением о том, что отдохнули от дороги – в ближайший-же день приеду, чтобы показаться – какой я с виду. Надеюсь, что ко времени Вашего возвращения в Москву оправится от операции Марина Николаевна и подтолкнет дело с получением Вами пенсии, а так же единовременного пособия. Присказка: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» – вполне применима к сложной процедуре получения пенсии. В Вашем деле она осложнена тем, что будет назначена за заслуги Отца – Николая Ивановича.

Спасибо большое Вам и Татьяне Владимировне за присланную сладостную и питательную посылку; спасибо и за некоторые биографические сведения, сообщенные в Вашем последнем письме. Когда встретимся, поговорим о многом, в том числе и о неясной причине скоропостижной смерти Вашего тестя.

А у нас последние две недели была радостная суэта – неожиданно приехала из Москвы невестка и привезла семилетнего внука – Андрея, поступающего в школу и мечтавшего давно побывать в Киеве у бабушки и дедушки. А следом за ними съеха-

[ЛИСТИ МИКОЛИ ПРАХОВА ДО ОЛЕНИ ЯЗЕВОЇ]

лись, давно ожидаемые, сыновья – старший Владимир (авто-инженер) и второй Адриан. Расскажу Вам о них подробно при личном свидании.

Владимир уже улетел к себе в Ташкент. Он каждый год, во время своего отпуска, навещает хоть на пять дней, как было сейчас. Конечно, радостная суэта выбила из обычной колеи и помешала работать над воспоминаниями о художниках, но это только к лучшему – надо было дать отдохнуть голове.

До скорого Свидания!

Прошу передать мои поклоны Ксении Ивановне и Николаю Ивановичу.

Преданный Вам

Н. Прахов

Лист № 9

14-е октября 1955 г.

Дорогая Елена Николаевна!

Вы меня опередили своим письмом. Только еще собирался написать Вам, в догонку, в Москву, почему не навестил Вас в Буче, как хотел, а тут получил весточку от Вас. В позапрошлом воскресенье собрался проехать к Вам на дачу. День был для этого подходящий – солнечный и светлый, и теплый, но я, неожиданно, оскандалился. Мирно беседовал с пришедшим навестить приятелем – художником, и вдруг, неожиданно закружилась голова со скоростью волчка. Минут через десять комната и люди перестали вертеться, но пришлось лечь и отложить поездку на потом. А потом несколько дней ходил по комнатам, как по палубе парохода в тихую качку. Вот причина, помешавшая повидаться с Вами еще раз, перед отъездом в Москву, которая встретила Вас и приятным сюрпризом получения пособия от Орг-Комитета Союза Художников и неприятностями домашнего свойства. Последние у Вас не только от не удачной женитьбы сына и характера невестки, а, главным образом, от современных не нормальных бытовых условий, когда так трудно мирно расселиться по разным комнатам, если не по квартирам. Мы в нашей семье живем дружно, соседи у нас хорошие, но – если-бы в нашем распоряжении были не три комнаты на 8 человек, а все шесть, которые занимали когда-то, то всем было бы гораздо удобнее жить.

Радуюсь, что сразу по приезде в Москву Вы получили пособие и могли поделиться с детьми, что касается получения пенсии, то посоветуйтесь об этом с Мариной Николаевной Гриценко. Кстати, передайте ей мой поклон и, если увидите, Наталии Геннадиевне тоже.

Не знаю, что Вам посоветовать относительно портрета Татьяны Владимировны. Писателя Скляренко ⁴³ знаю мало – был у него очень давно раза два, общих интересов у нас нет. Как он платит за покупаемые работы А. А. Мурашко, не знаю. Знаю только, что портрет Елены Константиновны привел в порядок и продал в Украинский Музей. Если-бы наши Музеи были более активны в деле собирательства и пополнения экспозиции, то посоветовал бы Вам предложить портрет Киевскому Украинскому Музею, тем более, что сейчас опять восстановлена местная «Закупочная Комиссия».

Преимущество Музея то, что вещь становится достоянием всех, кто интересуется искусством и данным автором, а преимущество частного покупателя в том, что он платит сейчас-же, если покупает. Если надумаете продать этот портрет Музею, то пошлите сперва фотографию для решения принципиального вопроса.

Адрес такой: г. Киев. Улица Кирова. Музей Украинского Искусства. Директору – Александру Тимофеевичу Кнюху ⁴⁴.

Вы спрашиваете: читал-ли я статью т. Турченко в «Вечернем Киеве», посвященную 25-тилетию со дня смерти И. Е. Репина? ⁴⁵ Читал и даже сохранил, как образец современного искусствоведческого писания. Теперь – если надо кого-то прославить,

APXIB

то приписывают ему все, что только можно, не считаясь с факторами, обнаруживая свое невежество. Так в этой статье автор, желая подчеркнуть связь И. Е. Репина с Украиной, приписал ему активную помощь в деле собирания оригиналов художников для рисовальной школы Н. И. Мурашко в Киеве. На самом деле собирал их мой Отец ⁴⁶, напечатавший отчет в журнале М. О. Микешина ⁴⁷ – «Пчела» – за 1875-й год, в котором редактировал «Художественный Отдел» и писал критические обзоры художественных выставок под псевдонимом «Профан», а статьи подписывал или полным именем и фамилией, или инициалами – «А. П.», изредка латинской буквой «Р.». Репин не мог собирать ничего для рисовальной школы Н. И. Мурашко по двум причинам: – 1-я – в 1875 году был в заграничной командировке в Париже и вернулся в Россию в 1876 году, когда уже год, как был опубликован Отчет о щедрых пожертвованиях художников школе, а во 2-х – у него еще не было таких личных связей с художниками, жертвовавшими свои работы, какие были, издавна, у моего отца.

Очевидно, тов. Турченко не просматривал никогда журнал «Пчела» – один из первых художественных журналов в России. Его заметка в «Вечернем Киеве» – типичный образчик легкого отношения к фактам и подтасовки их в целях прославления того, о ком пишет современный искусствовед. Михаил Васильевич Нестеров говорил: «Искусство-ед». В своей диссертации, желая, конечно, увеличить заслуги Вашего Отца, он изобразил его – революционером и борцом с рутинной Академией Художеств, каким он никогда не был. Революционность его увидел в том, что молодой человек, вместе с Репиным, ходил смотреть на Казнь Каракозова ⁴⁸, а потом на взморье, где искали его могилу, по приказу правительства затоптанную, сейчас-же, войсками.

А «борьбу» с Академией очень не удачно иллюстрирует «Программой» школы, начинающейся с «Рисования по клеткам», полезность которого отрицали передовые учителя рисования.

Большая была заслуга Николая Ивановича, решившегося единолично, без матерьяльной помощи со стороны, открыть в Киеве Рисовальную школу. Помощь Ив. Ник. Терещенко ⁴⁹ пришла уже позже и не была такой значительной, как могла-бы быть при его богатстве.

Жаль, что Николай Иванович дипломатично умолчал об этом, ведь не все читавшие его «Воспоминания Старого учителя» интересовались, приложенными в конце каждого выпуска, денежными отчетами.

На вечере в Художественном Институте, в память 25-тилетия со дня смерти И. Е. Репина ⁵⁰, видел заместителя директора Украинского Музея, который сказал мне, что «дневники Мурашко мы еще не купили», не знаю, по какой причине. Спасибо Вам за доброе желание предоставить в мое распоряжение матерьялы, переданные Вами в Третьяковскую Галлерею, но, едва-ли я мог бы воспользоваться ими сейчас: еще не справился с тем матерьялом, который сохранила память и будет печататься в Киеве издательством «Мистецтво». Пусть лучше хранятся в Отделе Рукописей у Наталии Геннадиевны Галкиной, которой передайте, при случае, мой горячий привет. – Всегда вспоминаю с благодарностью ее и других сотрудниц Галлереи, так приветливо встречавших мою покойную сестру Лелю и меня. Когда, наконец, начну писать воспоминания о своем Отце, тогда необходимо будет приехать в Москву, что-бы порыться в разных архивах. Начну с Третьяковской Галлереи.

Вы спрашиваете: «Когда так вырос интеллект Вашего Отца?» – установить это датами годов очень трудно. Мне кажется, что помогли ему, как прежде говорили, – «выбиться в люди» его природные способности не только к рисованию, но и к восприятию знаний, откуда-бы они не поступали. Помогли в этом деле окружавшие его товарищи, если не старше годами, то получившие более систематическое образование, чем молодой хлопец, «смешивший их своими жартами». Жаль, что Вам пришлось мало

[ЛИСТИ МИКОЛИ ПРАХОВА ДО ОЛЕНИ ЯЗЕВОЇ]

погостить в Буче, и что так потревожили письма из Москвы. Я хотел повидать Вас в Буче и прочесть все письма Николая Ивановича, по которым можно проследить его рост, но неожиданное сильное головокружение помешало.

Кончаю письмо пожеланием расселения Вашей семьи. Невестку не переделаете, а Вам нужен теперь покой. Знаю, что в Москве это не так легко, но все-же желаю это для Вас и милой Татьяны Владимировны, которой шлю сердечный привет, а Вам целую руку с пожеланием доброго здоровья.

Н. Прахов.

Р. S. Случайно пропустил страницу. Письмо начал 14/X, а кончаю 18/X.

Лист № 10

1 декабря 1955 г.

Простите великодушно, дорогая Елена Николаевна, за то, что встревожил Вас неприлично запоздавшим ответом на Ваше последнее письмо. Совсем замотался последние недели. Как-то сразу все собралось вместе: и две выставки, на одной обсуждение работ, и лекция приехавшего из Москвы профессора – Федорова-Давыдова⁵¹, и посещение им, вместе с несколькими приезжими художницами и художниками, нашей мастерской, и некоторое нездоровье, и необходимость срочно помочь сыну в его работе... Все это вместе выбило из колеи обычной жизни. Только сейчас начинаю ликвидировать задолженность по ответам на письма и каждое свое письмо начинаю просьбой о прощении. Сказываются годы – на что раньше нужны были минуты, теперь требует часы, а потом устают старое сердце и начинает несносно ныть.

Очень огорчили известием, что была больна Татьяна Владимировна. Что это было с ней, с ее глазами? Вероятно, переутомилась на работе? А у меня было еще очень большое огорчение – 18/XI в Москве скончался мой свояк и друг Ив. Ник. Алябьев, муж моей покойной, младшей сестры Оли⁵². После смерти ее в 1950 году остался одиноким и сильно тосковал. Старшая дочь его металась между службой и двумя домами, чтобы как-то облегчить жизнь отца. А он давно хворал и последнее время совсем обезножил, что лишило возможности посещать любимую Третьяковскую Галлерею и выставки. Мы с ним дружили в студенческие годы, до знакомства его с моими сестрами, и последнее время старался поддержать бодрость духа письмами, рассказами о художественных новостях. Он был старше меня на ½ года, с уходом его из жизни порвалась предпоследняя нить, связующая с далеким, хорошим прошлым. Это тоже одна из причин долгого молчания.

В Киеве зима – от 2 до 6 градусов мороза днем, но с сильным ветром. Снега еще нет, так только не много припорошило, потом растаял и опять припудрил крыши и асфальт.

Надеюсь, что Вы здоровы и желаю это Татьяне Владимировне и Вам от всего сердца.

Пишу не много, чтобы не замаралось письмо.

Мысленно целую Вашу руку.

Н. Прахов

Лист № 11

28 декабря 1955 г.

Среда

*Дорогая Елена Николаевна
и Татьяна Владимировна!*

Поздравляю Вас в Новым Годом и желаю обеим укрепления здоровья, по меньше всяких волнений и огорчений, без которых ни кто не живет на земле.

«Высокосному» году полагается, по народной примете, быть плохим, но в связи с широким масштабом «преобразования природы» надеюсь, что этот новорожденный

АРХІВ

год исправит плохую репутацию своих предков, будет мирным и для всех мирных людей – удачным, во всех отношениях.

Рад за Вас, Елена Николаевна, что благополучно закончились тревоги, связанные с заболеванием внучки, так трогательно утешавшей Вас, когда ее увозили в больницу. Татьяне Владимировне желаю, чтобы йод поборол начинающийся склероз. По возрасту ее еще рано ему поддаваться. На зрение очень хорошо влияет глюкоза – внутривенное вливание огромных ампул по 200–250 кубич. сантиметров. Знаю это по опыту. Лечили после «легкого инфаркта» вообще ослабевший организм и, неожиданно, улучшили зрение.

В новой книге о Вашем Отце не слышал. Надеюсь, она будет лучше написанной тов. Турченко, в которой не узнал Николая Ивановича, как не узнал и Ник. Корн. Пимоненко в книге Я. П. Затенацкого⁵³, выпущенной недавно украинской Академией Наук. В ней хороши цветные и одноцветные иллюстрации, а текст – сплошная натяжка. Теперь принято превращать в «демократов» всех, о ком пишут. Кто не знал Пимоненко – поверит, а кто знал – посмеется.

Под Новый Год в Киеве уже три дня оттепель, совсем не похоже на зиму.

Кончаю письмо тем-же, чем начал – т. е. пожеланием полного здоровья и душевного покоя.

Сердцем с Вами

Н. Прахов

Лист № 12

29 января 1956 г.

Как это грустно, дорогая Елена Николаевна, что Вы так плохо себя чувствуете и сами себе поставили диагноз. Из того, что какой-то бестактный врач отказался продолжать Вас лечить, еще не следует делать вывод, что у Вас такая страшная болезнь. Да если и так, то ведь еще имеется хирургия, которую только чеховский фельдшер, вырывая не тот зуб диакону, считал делом «плевым». На самом деле она делает «чудеса» даже в случае предполагаемой Вами болезни. Вот Фома Михайлович Коцюбинский⁵⁴, брат знаменитого украинского писателя, много лет тому назад вынужден был сделать операцию гортани и дышать через трубочку, а не только дышит и живет, а живет очень деятельной жизнью, как директор мемориального черниговского музея имени его брата Михаила Михайловича.

Такие боли за ухом, как у Вас, могут быть склеротического характера. А что сопротивляемость болезни организма играет большую роль в успехе лечения – в этом врач совершенно прав, знаю по себе, когда в конце 1913-го – начале 1914, когда в Берлине мне сделал знаменитый профессор Пассов – «радикальную» операцию правого уха, я два месяца лежал в частной лечебнице доктора Кутнера, который получал 20 марок в день за то, что заходил в номер и спрашивал: «Ну, как поживаете?». Потом щупал пульс и, получив ответ, – «Хорошо, спасибо» – он, сам себе в убыток, посоветовал мне выписаться из его лечебного заведения, сказав: «Ваш организм стал вялым, вам надо вернуться к обычному образу жизни и приходите к профессору Пассову, как амбулаторный больной». Так и сделал – еще 2 месяца прожил в Берлине в Пансионе «Франц фон-Белов».

Мне кажется, что Вам поможет увеличить сопротивляемость организма внутривенное вливание глюкозы. Меня она подняла на ноги, после вторичного инфаркта пять лет тому назад. Во всяком случае, покажитесь другому доктору, сделайте рентгено-снимок, а сами себе не ставьте диагноз.

Очень давно Вам не писал по тому, что чувствовал себя не важно и не хотел «скулить». Сейчас не много приободрился благодаря гомеопатии и самовнушения и возвращаюсь к обычной жизни. Прошлый художественный год закончился очень

[ЛИСТИ МИКОЛИ ПРАХОВА ДО ОЛЕНИ ЯЗЕВОЇ]

интересной, посмертной, выставкой скульптора Веры Игнатьевны Мухиной ⁵⁵, а Новый Год начался открытием Русского Музея после капитального ремонта. Меняли систему отопления и балки на крыше и перестроили всю экспозицию музея. Очень энергичная женщина, его директор – Ольга Михайловна Малашенко – добилась выселения «реставрационной мастерской», помещавшейся на третьем этаже, и сама не заняла 2 комнаты, в которых жил ее предшественник. Освободились 7 комнат – из которых в 5 переместили Советский отдел, а в 2 другие – Нестерова, Серова ⁵⁶, Коровина ⁵⁷, Врубеля и других художников того же времени, а в освободившихся во 2-м этаже развесили все работы В. В. Верещагина ⁵⁸, включая и его очень интересные этюды, 36 лет висевшие в запаснике музея. Кроме того, перестроили всю экспозицию, от чего очень выиграли картины передвижников. Сейчас в залах первого этажа музея (где был Советский отдел) открыта очень интересная выставка советских графиков. Видел ее мельком и на будущей неделе пойду смотреть с записной книжкой в руках, так как 8-го февраля будет ее обсуждение, на которое приедут Московские графики. Вероятно, не удержусь и скажу несколько слов по поводу многих работ.

В выставочном зале нашего Союза Художников было, недавно, обсуждение работ закарпатских художников, на котором не был. Не стоило тратить время и силы. Публике нравятся, а на мой взгляд это не искусство, а ремесло – «шир-потреб», как выродились в ремесло гуцульские кустарные изделия из дерева, украшенные вставками из биссера.

Готовится большая выставка работ Врубеля к 100-летию со дня его рождения (5/17 марта 1856 года). К этой дате открыть не успеют, вероятно, откроют в начале мая. Вот все наши Киевские художественные новости.

Кончаю письмо пожеланием, чтобы поскорее Вам назначили пенсию и выплатили следуемые деньги, а так же чтобы врачи рассеяли Ваши опасения, основанные на само-диагнозе.

Мысленно целую руку.

Н. Прахов

Лист № 13

Киев

24 апреля 1956 г.

Дорогая и глубокоуважаемая
Елена Николаевна!

Простите великодушно за то, что только вчера послал Вам 3-й выпуск воспоминаний Вашего Отца. После прочтения его, лежала на полке эта книга без надобности, и все забывал ее вернуть.

О Николае Ивановиче писать не собираюсь, так как после появления известной Вам диссертации, написанной так «как полагается», ни какую другую работу на эту тему не станут печатать. Когда буду писать о своем Отце, конечно, упомяну и Николая Ивановича Мурашко, как одного из его первых товарищей. Матерьялом для этого послужат: короткая запись в отцовском дневнике и копии писем Николая Ивановича к моему Отцу. В них гораздо больше биографических сведений, чем в «Воспоминаниях Старого Учителя», которые были написаны под определенным углом зрения и для определенной цели: рассказать историю рисовальной школы, созданной Автором этих «Воспоминаний».

В 3-м выпуске, на странице 22-ой помещена группа учениц школы Мурашко без указания их фамилий. Воспользовался тем, что среди этих девушек есть моя жена и ее старшая сестра, и тем, что на странице много свободного места – написал карандашом фамилии всех, кроме одной.

APXIB

А раньше, в тексте помещена фотография мастерской братьев Сведомских в Риме. На ней сразу узнал четырех мужчин и надписал под каждым его фамилии. Крайний – слева, сидит, Павел Александрович Сведомский. За пьянино, сидит в пол оборота – Ив. Григ. Рашевский ⁵⁹. На право от него, второй – сидит Иван Федорович Селезнев, а крайний с правой стороны стоит Александр Александрович Сведомский (старший брат). Не знаю, кто стоит по середине около Рашевского? Может быть это Григорий Ив. Котов (архитектор) ⁶⁰, и кто сидит на право от пианино, около И. Ф. Селезнева ⁶¹? Женщин не знаю ни одной, вероятно, жившие в Риме русские художницы. Когда была снята эта фотография, оба брата были холостые.

Из письма Татьяны Владимировны знаю, что Вы и она болели гриппом. И у меня он украл 2 месяца жизни, и сейчас чувствую себя физически очень слабым. Желаю Вам больше не хворать. Дело идет к Весне, которая у нас очень капризничает.

Большое спасибо за предоставленную возможность вторично ознакомиться с Книгой Вашего Отца.

Желаю Вам встретить оба праздника в добром здравьи и впредь не болеть.

Мысленно целую Вашу руку.

Н. Прахов

Лист № 14

25 ноября 1956 г.

Дорогая Елена Николаевна!

Спасибо Вам за письмо и за привет Вам, Татьяне Владимировне и Павлу Владимировичу! Не писал Вам давно, потому [что] в конце лета прихворнул. Совсем неожиданно, когда отлично себя чувствовал и поехал навестить друзей на Печерске, почувствовал себя плохо и рано вернулся домой. А в чем было «плохо» не могу определить. Вызванный из районной поликлиники врач, солидная женщина, определила «ослабление сердечной мышцы» и прописала лекарства для укрепления сердца и против бронхиального кашля. Хотел показаться знакомому, старому врачу в клинике для ученых, но в это-же время заболела Анночка и 3 недели лечилась от двух-стороннего воспаления легких. Лечила ее врач из клиники для ученых и вылечила. 2/Х – проехал в эту лечебницу на прием, врач внимательно выслушал, сказал, что ему «не нравится» мое сердце, распорядился сейчас же впрыснуть камфору, а потом идти домой, лежать и делать уколы камфоры. С большим трудом добрался до дома, хотя это близко, а в ночь на 3-е Октября неожиданно проснулся от сильнейшего головокружения. Было так плохо, что пришлось вызвать ночью «скорую помощь», а в 9 ч. утра – врача из клиники для ученых. При ней повторился сердечно-мозговой припадок. Она, вылечившая, только-что, жену, очень энергично принялась за мое лечение. Переполошила чуть не весь «терапевтический отдел». Три раза в день делали мне разные впрыскивания и угощали очень не вкусными лекарствами, наконец, через три недели врач простилась со мной, сказав, что «медицина сделала все, что надо – теперь вы сами должны поправляться», что и делаю. Лишнее говорить, что и домашний уход за мною был идеальный, но поправляюсь очень медленно. В начале не мог стать на ноги, до того они ослабели. После завтра исполнится месяц, что начал тренироваться, но с трудом передвигаюсь по комнатам с помощью двух палок. Очень не во время и не кстати случилось это заболевание. Ну, довольно об нем и обо мне.

Не понимаю, почему Вам говорят, что в Киеве не любят москвичей? Всего вероятнее, что нет охотников менять комнаты. Жилищные условия и у нас трудные. Вы, наверно, хотите получить в Киеве площадь больше, чем имеете в Москве – иначе не стоит переезжать – и это является помехой. Думаю, что не стоит Татьяне Владимировне менять Ленинскую библиотеку на какую нибудь другую работу в Киеве, привыкать к новым людям.

[ЛИСТИ МИКОЛИ ПРАХОВА ДО ОЛЕНИ ЯЗЕВОЇ]

Пишу Вам сегодня мало, потому что еще очень скоро устаю от всякой работы, даже такой легкой, как писание писем.

Мысленно целую Ваши руки и прошу передать привет Татьяне Владимировне и Павлу Владимировичу.

Преданный Вам

Н. Прахов

Лист № 15

12 декабря 1956 г.

Только что получил Ваше письмо, дорогая Елена Николаевна, и сейчас-же на него отвечаю. Вижу, что «высокосный» год и для Вас не был благоприятным. Надеюсь, что будущий, простой, окажется хорошим и для Вас, и для Татьяны Владимировны. Желаю Вам обоим не хворать и осуществить все Ваши планы и намерения к улучшению житейских условий. В этом отношении нам не на что жаловаться – с соседями не ссоримся, хотя, правду говоря, было бы лучше, если-бы их не было и по прежнему все шесть комнат квартиры были-бы в нашем распоряжении. Это дало-бы возможность, на старости лет, устроиться просторнее и удобнее, чем сейчас. Мое здоровье, о котором Вы спрашиваете, медленно идет на поправку. Утром одеваюсь и двигаюсь по комнатам с одной палкой, а иногда и без нее. Еще не работаю, как прежде, но пишу письма друзьям, читаю и делаю выписки из разных книг, относящихся к искусству, могущие когда-то пригодиться. На улицу не выхожу, но погода совсем к этому не располагает. То налетит метель и выбелит асфальт тротуара, крыши и садик перед домом, а дня через два начинает таять, и сырой туман подходит прямо к окнам квартиры. На днях навестил меня сотрудник Украинского Музея, пишущий про Сашу Мурашко, принес уточнить даты некоторых фотографий с его работ и сообщил, что Музей приобрел дневники Вашего Отца, находившиеся у Скляренко. Значит когда позволит здоровье, смогу ознакомиться с ними. Хорошо будет, если и те матерьялы, что у Вас, будут находиться в Киеве. Вы думаете о приезде в Киев на Новый Год – зимой он бывает хорош, но не в такую гнилую зиму, как нынешняя, можно легко захватить грипп.

Кончаю письмо пожеланием Вам обоим всего лучшего.

Мысленно целую руки.

Н. Прахов

Лист № 16

30 января 1957 года

Дорогая Елена Николаевна!

С небольшим опозданием отвечаю на Ваше письмо. Я простудился, хотя уже больше трех месяцев никуда не выхожу, и чувствую себя по этому случаю не важно. Сейчас дело идет на поправку. В чуже, очень огорчен, что у Вас такие плохие отношения с невесткой и так переполнена жильцами коммунальная квартира. В этом отношении мы счастливее Вас, хотя если бы можно было освободиться от соседей, все могли бы разместиться удобнее, и не было такого беспорядка в моих папках и разных бумагах. Получил поздравительное открытое письмо от милой Татьяны Владимировны и порадовался за нее, что провела свободные дни в Ленинграде. Надеюсь, не простудилась в холодной квартире. С этим городом связаны у меня очень хорошие и интересные воспоминания. Полюбил «белые ночи», на которые всегда жалуются приезжие с юга, и город летом, когда в нем было много цветов, и Нева такая полноводная. Не представляю себе, какой он теперь, да и прежних друзей уже в нем нет.

У нас в Киеве совсем не похоже на зиму, три дня тому назад за одну ночь хлопья снега покрыли ветви деревьев, превратив их в нарядное кружево, а сейчас опять оттепель и сказочный наряд города пропал. У нас, как и в Москве, публика увлеклась гастролями Ива Монтана⁶². Покупали билеты у барышников за сто рублей, а я слышал его сперва по

АРХІВ

магнітофону, потом два раза по радио, и хотя голос у него хороший, французский язык красивый, но большого впечатления от пения не получил. Он, вероятно, хорош в хорошем «Кабарэ», где можно видеть мимику и жестыкуляцию. Хотя названия и содержание песен различное, но производят впечатление монотонное. Напомнил он Киевского Вертинского⁶³, когда-то имевшего тоже шумный успех в первом «Кабарэ», открывшемся в Киеве. Его тоже слышал по магнітофону и по радио. Дома у нас все обстоит благополучно. Радостным семейным событием была свадьба внучки – Ирины, вышедшей замуж за такого же молодого человека – 20 лет, – как она сама. По-моему, это хорошо – молодым дорога открыта широкая.

Кончаю письмо пожеланием, чтобы в Новом году удалось Вам устроить спокойную жизнь и чтобы Вы и Татьяна Владимировна были здоровы.

Преданный Вам

Н. Прахов

Примітки

¹ Пухальський Володимир Вячеславович (1848–1933) – український і російський піаніст, композитор, музичний діяч, заслужений професор УРСР з 1928 року.

² Лисенко Микола Віталійович (1842–1912) – український композитор, піаніст, педагог, хоровий диригент, громадський діяч; основоположник української класичної музики.

³ Блуменфельди (Блюменфельди) – російські й українські музичні діячі; брати: Сигізмунд Михайлович Блуменфельд (1852–1920) – композитор, піаніст, педагог; Фелікс Михайлович Блуменфельд (1863–1931) – піаніст, диригент, композитор і педагог.

⁴ Крюгер-Прахова Анна Августівна (1876–1962) – український живописець, педагог; працювала в жанрі пейзажу, портрета; анімаліст. Дружина Миколи Адріановича Прахова.

⁵ Галімський Владислав Михайлович (1860–1940) – український живописець, пейзажист.

⁶ Мурашко Микола Іванович (1844–1909) – український живописець, педагог. Засновник рисувальної школи в Києві.

⁷ Нестеров Михайло Васильович (1862–1942) – російський живописець, брав участь у розпису Володимирського собору в Києві.

⁸ Турченко Юрій Якович (1923 р. н.) – український мистецтвознавець, автор монографій: «М. І. Мурашко», «Київська рисувальна школа», «Питання художньої освіти», «Портрети українських кобзарів» О. Сластьона», «Український естамп» та ін.

⁹ Касян Василь Ілліч (1896–1976) – український графік, гравер, мистецтвознавець. Із 1927 року (з перервою) – професор Київського художнього інституту.

¹⁰ Малашенко Ольга Михайлівна (1910–2000) – мистецтвознавець, у 1953–1966 роках – директор Київського музею російського мистецтва.

¹¹ Третьякова (Гриценко) Любов Павлівна (1870–1928) – донька Павла Михайловича Третьякова і Віри Миколаївни Мамонтової, дружина українського художника-пейзажиста Миколи Миколайовича Гриценка (1856–1900).

¹² Мамонтова Віра Савівна (1875–1907) – перша донька Сави Івановича і Єлизавети Григорівни Мамонтових, учасниця домашніх спектаклів. Найвідоміше її зображення на картині В. Сєрова «Дівчинка з персиками».

¹³ Мурашко Олександр Олександрович (1875–1919) – український живописець, педагог.

¹⁴ Васнецов Віктор Михайлович (1848–1926) – російський живописець; писав твори на теми національної історії, російських билин і народних казок; у 1885–1896 роках працював над розписами Володимирського собору в Києві.

¹⁵ Мамонтов Сава Іванович (1841–1918) – меценат, театральний і музичний діяч, великий промисловець, скульптор, художник. У 1870–1890 роках його підмосковний маєток Абрамцево був одним з визначних мистецьких осередків.

¹⁶ Бугаєв Микола Васильович (1837–1903) – російський математик, філософ. Батько російського поета Андрія Белого.

¹⁷ Столетов Олександр Григорович (1839–1896) – російський фізик.

¹⁸ Цингер Василь Якович (1836–1907) – російський математик, філософ.

¹⁹ Мамонтова (Сапожникова) Єлизавета Григорівна (1847–1908) – дружина Сави Івановича Мамонтова.

²⁰ Шаврін Федір Володимирович (поч. 1880-х – 1915 рр.) – російський і український живописець, графік.

²¹ Красицький Фотій Степанович (1873–1944) – український живописець, графік, викладач. Внучатий небіж Т. Шевченка.

²² Макогон Іван Васильович (1907–2001) – український скульптор, педагог.

²³ Раєвський Сергій Євдокимович (1905–1980) – український мистецтвознавець.

²⁴ Іжакевич Іван Сидорович (1864–1962) – український живописець і графік.

²⁵ Детальніше див.: *Сторчай О.* Фотій Красицький про значення форми в образотворчому мистецтві // *Образотворче мистецтво.* – 2014. – № 1. – С. 30–31.

²⁶ Великий князь Костянтин Костянтинович (поетичний псевдонім – К. Р.; 1858–1915 рр.) – член ро-

[ЛИСТИ МИКОЛИ ПРАХОВА ДО ОЛЕНИ ЯЗЕВОЇ]

дини Романових, писав вірші, п'єси; займався перекладами.

²⁷ Великий князь Петро Миколайович (1864–1931) – член родини Романових, займався живописом, розробляв архітектурні проекти.

²⁸ Дурилін Сергій Миколайович (1877–1954) – релігійний мислитель, письменник, мистецтвознавець, літературознавець.

²⁹ «Пейсаховка» і «Абіссинська принцеса» М. Прахова входять до його архівної книги «Все, що пригадалося». Із цієї книги О. Сторчай опублікувала декілька оповідань (див.: «Все, що пригадалося»: Микола Прахов про Івана Айвазовського // Образотворче мистецтво. – 2013. – № 3. – С. 18–19; «Все, що пригадалося»: із спогадів Миколи Прахова // Образотворче мистецтво. – 2013. – № 4. – С. 100–105; «Все, що пригадалося»: зі спогадів Миколи Прахова // Образотворче мистецтво. – 2014. – № 1. – С. 110–111).

³⁰ Ханенко Богдан Іванович (1848–1917) – український колекціонер-меценат, археолог.

³¹ Сведомські – російські живописці; брали участь у розписах Володимирського собору в Києві; брати: Олександр Олександрович – (1848–1911) живописець-пейзажист; Павло Олександрович (1849–1904) – історичний живописець, жанрист.

³² Котарбінський Вільгельм Олександрович (1849–1921) – польський і український історичний живописець, портретист, пейзажист; писав картини на міфологічні й біблейські сюжети; брав участь у розпису Володимирського собору в Києві.

³³ Врубель Михайло Олександрович (Wróbel) (1856–1910) – російський художник, працював фактично в усіх видах і жанрах образотворчого мистецтва: живопис, графіка, декоративна скульптура та театральне мистецтво; виконав ескізи розпису Володимирського собору в Києві (не здійснені).

³⁴ Платонов Харитон Платонович (1842–1907) – український живописець, викладав у Рисувальній школі М. Мурашка.

³⁵ Світославський Сергій Іванович (1857–1931) – український живописець.

³⁶ Менк Володимир Карлович (1856–1920) – український живописець; викладав у Київському художньому училищі.

³⁷ Тартаков Яким Вікторович (1860–1923) – російський співак (баритон), педагог, режисер.

³⁸ У 1893–1909 роках у Київському оперному театрі (заснований 1867 р.) працювала балетна труппа під керівництвом польських балетмейстерів С. Лінчевського та М. Ланге, які поставили «Малоруський балет», «Приморське свято», «Жнива в Малоросії», «Свято угорських циганів», «Космополітану», «Коппелію».

³⁹ Варламов Костянтин Олександрович (1848–1915) – актор, популярний комік-буф («дядя Костя»).

⁴⁰ Дядченко Григорій (Георгій) Кононович (1869–1921) – український живописець; викладав у Київському художньому училищі.

⁴¹ В'яземський Петро Андрійович (1792–1878) – російський поет, літературний критик.

⁴² Пимоненко Микола Корнилович (1862–1912) – український живописець; викладав у Рисувальній

школі М. Мурашка, Київському політехнічному інституті.

⁴³ Скляренко Семен Володимирович (1901–1962) – український письменник, автор історичних романів та белетрист.

⁴⁴ Кнюх Олександр Тимофійович (1911–1990) – український графік.

⁴⁵ Напевно, мається на увазі стаття: Турченко Ю. Репін у Києві // Вечірній Київ. – 1955. – № 230.

⁴⁶ Прахов Адріан Вікторович (1846–1916) – мистецтвознавець, археолог, художній критик, викладач.

⁴⁷ Микешин Михайло Йосипович (1835–1896) – російський скульптор і графік.

⁴⁸ Каракозов Дмитро Володимирович (1840–1866) – російський революціонер, здійснив 4 квітня невдалий замах на російського імператора Олександра II.

⁴⁹ Терещенко Іван Миколайович (1854–1903) – колекціонер, меценат, власник цукрових заводів, великий землевласник.

⁵⁰ Репін Ілля Юхимович (1844–1930) – російський живописець, працював в історичному, портретному, побутовому жанрах; майстер рисунка.

⁵¹ Федоров-Давидов Олексій Олександрович (1900–1969) – російський мистецтвознавець, викладач.

⁵² Молодша донька Прахових – Ольга Адріанівна Аляб'єва (1879–1950) – була заміжня за Іваном Миколайовичем Аляб'євим (1874–1955) – юристом, товаришем В. М. Васнецова.

⁵³ Затенацький Яків Павлович (1902–1986) – український мистецтвознавець, доктор мистецтвознавства. М. Прахов має на увазі книгу: Затенацький Я. П. Николай Корнилович Пимоненко. Жизнь и творчество. 1862–1912. – К. : Изд-во АН УССР, 1955. – 110 с.

⁵⁴ Коцюбинський Хома Михайлович (1870–1956) – український літературознавець, молодший брат Михайла Коцюбинського. Перший директор музею М. Коцюбинського у Вінниці.

⁵⁵ Мухіна Віра Гнатівна (1889–1953) – російський скульптор, педагог.

⁵⁶ Серов Валентин Олександрович (1865–1911) – російський живописець і графік, майстер портрета.

⁵⁷ Коровін Костянтин Олексійович (1861–1939) – російський живописець, театральний художник, працював у жанрах пейзажу, портрета, натюрморту; писав жанрові картини.

⁵⁸ Верещагін Василь Васильович (1842–1904) – російський живописець-баталіст і літератор.

⁵⁹ Рашевський Іван Григорович (1849–1921) – український живописець і скульптор; пейзажист, портретист, жанрист.

⁶⁰ Котов Григорій Іванович (1859–1942) – російський архітектор, реставратор, викладач.

⁶¹ Селезньов Іван Федорович (1856–1936) – український живописець, портретист. Викладав у Рисувальній школі М. Мурашка, Київському художньому училищі. Детальніше див.: Сторчай О. Педагогічна діяльність Івана Федоровича Селезньова // Студії мистецтвознавчі. – 2012. – Чис. 4. – С. 194–207.

APXIB

⁶² Монтан Ів (фр. *Yves Montand*, справжнє ім'я – Іво Ліві (італ. *Ivo Livi*), 1921–1991 рр.) – французький співак-шансон'є і актор.

⁶³ Вертинський Олександр Миколайович (1889–1957) – російський артист естради, співак, поет, композитор.

SUMMARY

During his long life Mykola Adrianovych Prakhov (1873–1957) has communicated with many figures of Russian, Ukrainian, Western European art and culture on the basis of creative, business activity or just on a friendly, family ground. M. Prakhov, the author of a well-known book *The Pages of the Past*, loved and knew how to write letters. His epistolary heritage is as a sequel of this book of memoirs about famous Russian and Ukrainian artists. Mykola Adrianovych was also an original and talented artist, who worked in the field of arts and crafts, art industry and easel painting. M. Prakhov was an exceptional master of ornament, he knew the techniques of water-colors, tempera, gouache and oil painting very well. Besides he was well versed in the technique of the art casting in bronze. He was a talented art critic and art historian. His articles, reviews of art exhibitions and private collections are still interesting and demonstrate a broad knowledge of the author in various forms of art, painting, sculpture and art industry, where practical knowledge of artistic techniques adds special value to the analysis of works.

The letters of M. Prakhov are preserved in the Central State Archive-Museum of Literature and Art of Ukraine in the Fund of Yazievy, who were the relatives of Ukrainian artist and teacher, the founder of the drawing school, Mykola Ivanovych Murashko, including his daughter Olena Mykolaivna (married name Yazeva) and grandchildren – Tetiana Volodymyrivna and Pavlo Volodymyrovych. The documents were given to the archive by Tetiana Volodymyrivna Yazeva and Heorhiy Viktorovych Kalyta in 1969.

Prahov's letters of 1955–1957 proposed for the publication and addressed to Olena Yazeva, the daughter of Mykola Murashko, are informative and contain valuable details about creative work of M. Murashko, his school, such as Fotii Krasyskyi, the father of Adrian Viktorovych Prakhov, a well-known art historian, archaeologist, art critic and a teacher (he gave lectures on art history at St. Petersburg and Kyiv Universities), his mother, A. Kriuger-Prakhova, a talented artist, pianist, who taught drawing and painting at the Kiev Art School and famous studio of Oleksandr Murashko, etc. The author has recently published letters of Mykola Prakhov to Tetiana Yazeva and graphic artist Roman Fedorovych Melnychuk.

Keywords: epistolary heritage of Mykola Prakhov, Olena Yazeva, Adrian Prakhov, Mykola Murashko, Fotii Krasyskyi.

Підготовка до друку та коментарі О. Сторчай